

Предисловіе.

Существуетъ ходячее мнѣніе, что авторъ въ лицѣ своихъ героевъ выводитъ отчасти самаго себя. Другіе утверждаютъ, что писатель обыкновенно идеализируетъ такія свойства, которыми самъ не обладаетъ.

Слабые, тщедушные идеализируютъ грубую силу, наоборотъ, атлеты видятъ какое-то особое очарованіе въ хрупкости, въ болѣзненномъ цвѣтѣ лица и прозрачности покрововъ кожи.

Сильные и мощные самцы подчасъ льнутъ къ безкровнымъ анемичнымъ существамъ и наоборотъ.

Также утверждаютъ, что и авторы льнутъ къ контрастамъ.

Восхваляя потенцію Санина, М. Арцыбашевъ выводитъ своеобразный типъ Сатира, говорятъ другіе. Въ эгомъ видятъ идеализацію мужской мощи и готовы заподозрить автора въ немощи.

Не вторгаясь въ частную жизнь М. Арцыбашева, мы знаемъ, однако, что этотъ еще молодой писатель уже въ данное время проникся крайнимъ пессимизмомъ ко вселенной и ко всему человѣчеству.

Это ясно сквозило въ каждомъ словѣ, сказанномъ такъ недавно одному газетному интервьюеру.

Мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что этотъ пессимизмъ М. Арцыбашева собою являетъ лишь переходную стадію къ болѣе опредѣленнымъ кристаллизованнымъ взглядамъ.

Но находятся и такіе критики, которые въ такомъ крайнемъ пессимизмѣ видятъ послѣдствіе немощи.

„Санинъ“, этотъ романъ, надѣлавшій столько шуму не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, потому настолько обрѣгилъ вниманіе читателей, говорятъ третьи,

что съ неприглядной наготой сужденія и дѣйствія этого образа связана самая повѣсть современнаго человѣчества.

Большинство нашей современной интеллигенціи въ Санинѣ узнало часть самихъ себя и часть очень сокровенную и доминирующую во всемъ существѣ.

Никто, однако, какъ Арцыбашевъ не дерзалъ выставить въ столь обнаженномъ видѣ, правда съ нѣкоторой утрировкой, такого героя нашего времени.

Это своего рода Чацкій, Печоринъ, Онѣгинъ... Словомъ это одна изъ разновидностей почти что одного и того же типа.

Въ зависимости отъ общественныхъ теченій одинъ и тотъ же ходячій типъ трансформируется, какъ извѣстно, въ тѣ или иныя формы.

Ходячіе типы вѣдь твореніе нашей общественности, результатъ самыхъ сложныхъ общественныхъ явленій. Правда и политическая конъюнктура играетъ свою роль въ дѣлѣ формированія ходячаго общественнаго типа.

Когда на общество въ его цѣломъ нападаетъ прострація, когда человѣчество, утомленное борьбою, проникается пессимизмомъ и равнодушіемъ къ своимъ идеаламъ, тогда въ мутн пережитка рождаются болѣзнетворные микробы, заражающіе здоровые элементы.

Кто же со мной не согласится, что мы переживаемъ тяжелое время, когда общество не видитъ просвѣта, когда небо заволочло тучами и ими отдѣлило русское общество отъ завѣтныхъ идеаловъ.

Но въ утѣшеніе этому обществу могу сказать, что нѣчто подобное переживается сейчасъ и въ Германіи, и въ Австріи, и даже во Франціи.

Человѣчество разочаровалось въ своихъ прежнихъ богѣхъ, но міровой геній еще не выдвинулъ новыхъ богѣвъ.

Много званыхъ, но мало избранныхъ. Много всевозможныхъ идоловъ, но среди нихъ нѣтъ того, чего душа проитъ, къ чему бы стремилось возвышенное чувство человѣчества.

Человѣчество всегда, во всѣ эпохи своего существованія стремилось къ лазурной выси идеаловъ.

Но гдѣ они сегодня, эти идеалы?! Наша молодежь вообще, а учащаяся въ частности, выродилась въ бѣло-подкладочниковъ и академистовъ, съ одной стороны и въ шелопаевъ, разгильдяевъ съ другой. Какая ничтожная дробь еще носить въ себѣ слѣды идеаловъ нашихъ шестидесятниковъ.

Идеализмъ точно вымеръ или, по крайней мѣрѣ, вымираетъ въ настоящемъ безвременьи.

Но человѣчество не можетъ жить безъ идеаловъ, оно задыхается въ сгущенной атмосферѣ, созданной, съ одной стороны усугубленной борьбой за существованіе, а съ другой—животнымъ цинизмомъ.

Вотъ такая-то атмосфера и выдвинула новый идеалъ нашей молодежи—„Санина“.

М. Арцыбашевъ, какъ истинный художникъ, явился только отражателемъ той среды, въ которой мы живемъ въ настоящее время.

Всегдашняя ошибка многихъ писателей, выводить непременно цѣльный типъ, такъ сказать кристаллизованное воплощеніе какой либо идеи.

Въ жизни эти типы не бываютъ абсолютными, цѣльными.

Но какъ созданъ по мнѣнію М. Арцыбашева Санинъ?

„То, самое важное въ жизни, время, когда, подъ вліяніемъ первыхъ столкновеній съ людьми и природой, складывается характеръ, Владиміръ Санинъ прожилъ внѣ семьи“.

Такъ начинается свой романъ М. Арцыбашевъ.

Не думайте, читатель; что въ этомъ ненормальномъ явленіи воспитанія авторъ усматриваетъ дефектъ, наоборотъ, онъ видитъ въ этомъ извѣстный плюсъ.

Онъ пишетъ далѣе: „никто не слѣдилъ за нимъ ничья рука не гнула его и душа этого человѣка сложилась свободно и своеобразно, какъ дерево въ полѣ“.

Рецептъ „свободнаго развитія въ благопріятномъ смыслѣ“ Арцыбашевымъ усматривается въ полномъ отсутствіи семейнаго воспитанія. Онъ предполагаетъ, что если не „гнуть“, не вліять на молодую душу подрастающаго, то получится что-то цѣльное хорошее, своеобразное, свободное.

Но такъ ли это?

Его сравненіе съ деревомъ, растущемъ въ полѣ, очень неудачно. Всякому человеку, близко знающему природу, извѣстно, что деревья, растущія въ полѣ, по большей части, не отличаются красотой формъ. Въ этомъ виноваты вѣтры, полевая почва, недостаточность влаги и множество другихъ причинъ. Если на склонѣ лѣсной опушки, защищающей отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ одиноко стоящее дерево, создаются прелестныя по своей стройности отдѣльные экземпляры, то это только доказываетъ, что для достиженія красоты формъ требуется защита отъ вредныхъ вліяній стихій.

Также дѣло обстоитъ и съ ребенкомъ, нуждающемся въ отстраненіи вредныхъ вліяній.

Сердечная среда, созданная любящей семьей, создаетъ въ свою очередь въ ребенкѣ культъ добра, понятіе о порядочности, объ идеалахъ и о завѣтныхъ цѣляхъ, къ которымъ слѣдуетъ стремиться.

Отымите отъ ребенка семью и ласку матери, въ его нѣжномъ возрастѣ, и на характеръ ребенка ложится суровая тѣнь, создавшаяся безсердечною средою, общимъ эгонизмомъ и даже цинизмомъ.

Но современные родители какъ-то мало думаютъ о душевномъ строѣ своихъ дѣтей. Борьба за существованіе поставила многихъ отцовъ и матерей въ необходимость препоручить своихъ чадъ фабричному воспитанію, иначе я не могу назвать то воспитаніе, которое получается въ учебныхъ заведеніяхъ вообще, а въ закрытыхъ заведеніяхъ и интернатахъ въ особенности.

Можно ли требовать отъ воспитателей-чиновниковъ, людей 20 го числа, сердечности, вдохновеннаго проникновенія любовью къ воспитуемому, вниманія къ индивидуальности, къ хорошимъ и дурнымъ сторонамъ ребенка? Конечно нѣтъ.

И вотъ получается типъ современной молодежи.

На 90% въ существѣ этого подрастающаго поколѣнія „карьеровичъ“. Все въ немъ направлено къ возможно быстрому достиженію успѣха въ жизни, къ возможно скорому

завоснанію матеріального благополучія, при найменшій затратѣ трудовой енергій.

Легкій заработокъ, быстрая карьера, являются заветной мечтою этой молодежи.

А на ряду съ этимъ рождается жажда дешевыхъ успѣховъ въ любви, во что бы то ни стало и не особенно разбирая среди объектовъ.

Въ наше время, когда ригоризмъ отходитъ на послѣдній планъ, а на первомъ находится жажда матеріального благополучія, для наслажденія жизнью, такой Санинъ является лишь одностороннимъ типомъ.

Арцыбашевъ не дѣлаетъ его матеріалистомъ въ смыслѣ достиженія богатства. Онъ ограничивается конечной цѣлью матеріального благополучія нашей интеллигенціи и эта цѣль—наслажденіе.

Въ этомъ наслажденіи лежитъ тотъ суррогатъ идеализма, современнаго эпикурейскаго общества, который ведетъ насъ, въ нашемъ безвременьи, къ распаду.

М. Арцыбашевъ въ Санинѣ выводитъ, какъ я уже сказалъ, утрированно цѣльный типъ.

Въ жизни такихъ типовъ не бываетъ. Полнаго отсутствія совѣсти не найдете и въ закоренѣломъ преступникѣ.

Такъ и Санинъ, срывающій цвѣты на полѣ жизни, не размышляя о послѣдствіяхъ, все же почувствовалъ свою вину, когда легкомысленно завладѣлъ отдавшейся ему, въ порывѣ страсти, Карсавиной.

Несправедливость, вѣдь, основная черта современныхъ людей. Люди осуждаютъ своихъ близкихъ главнымъ образомъ за тѣ недостатки, которые сильнѣе всего выражены въ нихъ самихъ.

Такъ и Санинъ, онъ возмущенъ Зарудинымъ, соблазнившимъ его родную сестру, Лиду.

Самъ, бросая своихъ жертвъ на произволъ судьбы и не задаваясь мыслью о послѣдствіяхъ своего эгоистическаго стремленія къ женскому тѣлу, въ его невинности и чистотѣ, въ то же время Санинъ страшно возмущился, когда Зарудинъ безсердечно отнесся къ его сестрѣ.

Онъ его выгоняетъ изъ дома, онъ, пользуясь своей

физической силой, бьетъ его по лицу, толкаетъ побитаго офицера такимъ образомъ на самоубійство.

И ни на минуту Санинъ въ этомъ не раскаивается.

Онъ прилагаетъ ко многимъ явленіямъ жизни двѣ мѣрки, одну къ себѣ, ибо ему все дозволено, а другую—ко всѣмъ остальнымъ людямъ, которымъ повидимому далеко не все разрѣшено.

Такая несправедливость красной нитью проходитъ черезъ весь романъ.

Второй характерною чертою Санина—безграничное самомнѣніе. Онъ мнитъ себя умнѣ всѣхъ въ мірѣ. Всѣ люди мелки, ничтожны и недостойны особаго вниманія. Отъ этихъ людишекъ онъ бѣжитъ, ихъ онъ обрываетъ на полусловѣ, толкаетъ на самоубійство, въ бездну отчаянія. И все это нисколько не порицается авторомъ какими бы то ни было авторскими ремарками. Наоборотъ, М. Арцыбашевъ искренно убѣжденъ въ правотѣ Санина и въ его цѣлесообразности.

М. Арцыбашевъ, съ одной стороны доктринеръ новѣйшаго типа, а съ другой стороны—талантливый художникъ.

Черезъ весь романъ проходитъ борьба этихъ двухъ элементовъ творчества автора.

Но къ чести М. Арцыбашева слѣдуетъ сказать, что художникъ въ немъ сильнѣе доктринера. Дивныя картины описанія природы приводятъ въ восторгъ каждою читателя.

Болѣе того, скажу, М. Арцыбашевъ-художникъ не умѣетъ или не можетъ лгать. Художественная правда вырывается на страницы его романа помимо воли автора-доктринера.

Самое бѣгство Санина изъ родительской семьи является лучшимъ доказательствомъ, что Санинъ не чуждъ совѣсти.

Онъ бѣжитъ изъ семейной среды не потому, что ему всѣ людишки надоѣли, а потому, что, заваривъ кашу и чувствуя себя неспособнымъ ее расхлебать, онъ трусливо спасается отъ послѣдствій своей распущенности. Съ одной стороны Карсавина и „дѣвушка съ огорода“, а съ другой—Лидя, которую онъ весьма неудачно пробуетъ устроить съ ея первымъ обожателемъ — Новиковымъ. А тутъ еще

мать, воспитанная на идеалах добраго стараго времени.

За короткое время пребыванія въ родительскомъ домѣ, послѣ многихъ лѣтъ отсутствія, Санинъ натворилъ такую массу несуразностей, столькимъ насолилъ и конечно, не желая расхлебывать, заваренной имъ каши, спасается бѣгствомъ.

Тутъ много правды. Санинъ все-же имѣетъ совѣсть, въ немъ просыпается сознаніе своей вины, хотя онъ и бравируетъ возведеніемъ зла на пьедесталъ идеала.

„Мерзавецъ“ говоритъ онъ, „настоящій откровенный „мерзавецъ прежде всего человѣкъ искренній и истественный. Онъ дѣлаетъ то, что для человѣка совершенно естественно. Онъ видитъ прекрасную женщину, которая ему „не отдается и онъ ее беретъ силою или обманомъ. И это „вполнѣ естественно потому что потребность и пониманіе „наслажденій и есть одна изъ немногихъ чертъ, которыми „естественный человѣкъ отличается отъ животнаго. Да, „мерзавцы—самые искренные люди, при этомъ и самые „интересные, ибо предѣловъ и границъ человѣческой мерзости даже и представить себѣ нельзя... Я мерзавцу съ „особеннымъ удовольствіемъ пожму руку“—говоритъ Санинъ. „Ну, вотъ вы—самый лучшій человѣкъ и я, конечно самый „лучшій, развѣ намъ съ вами не хочется красть, лгать и „прелюбы сотворять... Прежде всего—„прелюбы“

Вотъ въ общихъ чертахъ проповѣдь Санина.

Мерзавецъ на первомъ планѣ. Авторъ не только оправдываетъ мерзавца, но возводитъ его на извѣстный пьедесталъ.

Для автора почему то ясно то, что мнѣ вовсе не ясно. Почему это авторъ влагаетъ въ уста Санина, что каждому человѣку хочется красть, лгать.—Развѣ это такъ? Ложь и кража—двѣ вещи разныя. Кража, возведенная лжеученіями нѣкоторыхъ социалистовъ въ добродѣтель, какъ форма борьбы съ имущественностью—ничего общаго не имѣетъ съ ложью и лганьемъ. Тутъ какой то сумбуръ представленій.

Весьма возможно что человѣкъ, съ дѣтства, предоставленный самому себѣ, утрачиваетъ всякую почву этическаго свойства. Болѣе того, у него рождается представленіе, что

и вы и я и все окружающіе должны непремѣнно нахвалить удовольствіе во лжи, въ кражѣ и въ особенности въ предубѣжденіи.

Въ послѣднемъ случаѣ авторъ ближе всего къ истинѣ.

Въ настоящее время сексуализмъ охватилъ большую часть всего человѣчества, ибо они рабы этой страсти *). Мы переживаемъ какъ разъ эпоху, когда значительная часть всѣхъ нашихъ помысловъ и желаній сосредоточиваются именно на половой страсти.

Конечно, это міровое безуміе, не болѣе, какъ переходная стадія къ болѣе совершеннымъ формамъ любви и брака, въ будущемъ. „Проклятый вопросъ видимо близится къ разрѣшенію“,—пишутъ многіе современные журналисты.

Когда происходитъ борьба двухъ противоположныхъ теченій, то не обходится безъ уродливыхъ формъ и явленій. Это лучше всего намъ доказала великая революція во Франціи.

Развѣ современный интеллигентъ, съ его гиперэстезіей половыхъ центровъ не есть аномалія? Развѣ Санинъ, это воплощеніе физическаго и нравственнаго идеала большей части нашего общества, не свидѣтельствуетъ о ненормальномъ положеніи міровой психики.

Конечно, мы теперь переживаемъ болѣзнь эпоху. И переживаемъ ее не только въ Россіи, но почти что во всей Европѣ.

У насъ романъ Санинъ былъ конфискованъ на второмъ изданіи, въ германіи же четыре раза конфисковали Санина, но каждый разъ германскій судъ снова разрѣшалъ его къ продажѣ. Если у насъ Санина читали сотни тысячъ людей, то сколько же милліоновъ читали этотъ романъ въ Германіи и въ Австріи.

Я самъ имѣлъ въ рукахъ 115-ое изданіе Санина одного издателя, тридцать восьмое изданіе другого и двадцать-третье изданіе третьяго издателя и все на нѣмецкомъ языкѣ. Если даже каждое изданіе приравнять къ одной тысячѣ экземпляровъ, и предположить, что каждый романъ читался только десятью лицами, то и тогда полу-

*) „Рабы страсти“. Гдѣ Амери. романъ.

чятся миллионы людей, читавшихъ этотъ сенсационный романъ въ Германіи и въ Австріи.

Но чѣмъ вы объясняете такой колоссальный успѣхъ, небывалый въ современной міровой литературѣ?

Конечно, жизненностью типа, имѣющаго въ себѣ многія черты современнаго интеллигента?

Въ каждомъ интеллигентѣ къ сожалѣнію имѣется „немножко Санина“. И это фактъ.

Возвращаясь къ фабулѣ романа „Санинъ“, мы должны признать, что она довольно бѣдна. Хотя многіе дилеммы получили свое разрѣшеніе, но еще болѣе вопросовъ и къ тому-же самыхъ жгучихъ и животрепещущихъ остались втунѣ.

Молодая красивая дѣвушка Лида, за которой ухаживаютъ одновременно офицеры Танаровъ и Зарудинъ, а кстати и д-ръ Новиковъ, избираетъ, среди трехъ претендентовъ, самый красивый экземпляръ офицера, правда, не особенно умнаго, но воспитаннаго въ традиціяхъ армейской среды.

Флиртъ, достигая своего кульминаціоннаго пункта, переходитъ въ естественную форму связи. Лида сходится съ Зарудинымъ. Нѣкогда гордая, красивая дѣвушка, неожиданно для себя, становится рабою обольстителя. Онъ ее третируетъ и, когда она, беременная, приходитъ къ нему, ница разрѣшенія вопроса: „что дѣлать“, Лида встрѣчаетъ полное равнодушіе, сдѣлавшаго свое дѣло, самца.

— Скотина,—вырывается у нея.

И это опредѣленіе въ одинаковой степени можно было бы примѣнить и къ самому Санину.

Развѣ Карсавина не могла бы бросить Санину такое же словечко?

Но Санинъ не желаетъ видѣть своихъ мерзостей, или онъ видитъ и старается ихъ идеализировать.

Въ такомъ случаѣ почему же Санинъ не желаетъ простить за такой же взглядъ на женщину офицера Зарудина? Потому ли, что жертвою стала его сестра, къ которой онъ самъ не чуждъ вожделѣній, или потому, что Зарудинъ не пожелалъ продолжать связь и прикрыть грѣхъ, ну, хотя бы, путемъ вытравленія плода или другимъ способомъ? „

И тутъ М. Арцибашевъ остается художникомъ.

Жизненная правда здѣсь бьетъ ключемъ. Мы не прощаемъ нашимъ ближнимъ тѣхъ грѣховъ, въ которыхъ мы сами болѣе всего грѣшны.

Такъ и Санинъ не прощаетъ такому же самцу, какъ онъ самъ, дѣйствию, совершаемыхъ имъ же въ такой же степени безразсудно и бездушно.

И, когда Лида, въ отчаяніи отъ жестокаго къ ней отношенія любовника, бѣжитъ топить, братъ ее спасаетъ и успокаиваетъ впавшую въ отчаяніе дѣвушку, обѣщаніемъ устроить ее за Новиковымъ. Ему она какъ извѣстно отказала, когда онъ къ ней сватался, но Новиковъ все же продолжаетъ ее любить.

Санинъ однако не учелъ подлой черты мужской коварности. Мужчина, направо и налѣво лишаящій невинности, всякую поддавшуюся его соблазнамъ дѣвушку, когда рѣчь заходитъ о собственной женитьбѣ, стремится пріобрѣсти обязательно въ полнѣ безпорочную дѣвушку и конечно не потому, что онъ такъ молится самой чистотѣ и невинности, а потому, что онъ самъ желаетъ использовать процессъ развращенія этой невинности, создавъ изъ нея для себя развратную самку.

Такъ и Новиковъ, въ первый моментъ восплаившій великодушіемъ, желаніемъ покрыть чужой грѣхъ, вскорѣ чувствуетъ всю фальшь и всю ходульность, принятой имъ на себя задачи.

И вотъ, въ моментъ, когда Санинъ скрывается изъ дома бѣгствомъ и сквозь окно влѣзаетъ въ свою комнату, чтобы вытащить чемоданъ, онъ слышитъ происходящій между Новиковымъ и сестрой Лидой діалогъ:

— „Чего же ты отъ меня хочешь, — слышался съ балкона голосъ Лиды, и Санина поразили ея тусклые и мучительныя нотки...

— „Я ничего не хочу, — отвѣтилъ Новиковъ, и, очевидно, „противъ воли голосъ его звучалъ ворчливо и надоедливо, — „мнѣ только странно, что ты смотришь такъ будто приносишь для меня жертву... Я вѣдь...

— „Ну, хорошо... — сорвался голосъ Лиды, и хрустальныя звуки близкихъ слезъ неожиданно зазвучали въ сѣм-